

УДК 323.325:140.8:323.35(470.4)''18/1930''

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В XIX – НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Садырова М.Ю., Маслова И.И.

ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», Пенза, Россия (440028, Пенза, ул. Г. Титова, 28), e-mail: ritasadyrova@mail.ru

В статье рассматриваются народные представления о священнике, а также отношение крестьян к нему в обыденной жизни; называются факторы, определяющие отрицательное восприятие причта в сельской среде. На материале различных источников продемонстрирована противоречивость крестьянских оценок относительно социальной роли пастыря в деревенском мире. В крестьянской среде было принято оказывать внешнее почтение к духовенству. Критическое, осуждающее отношение к сельскому духовенству имело место, прежде всего, из-за несоответствия его духовно-нравственного облика требованиям, предъявляемым к особому положению священника в деревенском мире. Иногда священнослужители давали основания для осуждения своим недостойным поведением, пьянством, рукоприкладством. Усугубляло непонимание между пастырем и паствой иное устройство быта священников.

Ключевые слова: крестьяне, духовенство, православие, социальные представления, религия.

ORTHODOX CLERGY IN SYSTEM OF SOCIAL REPRESENTATIONS OF THE RUSSIAN PEASANTRY AT THE END OF XIX-AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE MIDDLE VOLGA REGION)

Sadyrova M.Y., Maslova I.I.

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia (440028, Penza, street G. Titova, 28), e-mail: ritasadyrova@mail.ru

In the article examine national notions about clergyman and also the attitude of the peasants towards him in the ordinary life, factors which give define negative perception of the church-goer in the rural environment is named. On the materials of different sources there have been demonstrate the contradiction of the peasant's evaluations regarding the social part of the pastor in the village world. In the country environment it was accepted to treat with external respect for clergy. The critical, condemning relation to rural clergy took place, first of all, because of discrepancy of its spiritual and moral shape to requirements imposed to special position of the priest in the rural world. Sometimes priests gave the grounds for condemnation by the unworthy behavior, alcoholism, a manhandling. Aggravated misunderstanding between the pastor and flock other device of a life of priests.

Keywords: peasants, clergy, orthodoxy, social notions, religion.

Образ приходского духовенства является важнейшим элементом анализа религиозных представлений российского крестьянства. Существенным звеном массового православного сознания было понимание необходимости священнического служения, представление о духовной высоте его призвания. Особое положение священника в деревенском мире не только как духовного пастыря, но и как советчика крестьян в хозяйственных, бытовых и прочих вопросах предъявляло высокие требования к его духовно-нравственному облику и образу жизни. В многомиллионной России духовенство занимало ничтожную количественную долю: в 1890-х гг. на 80 миллионов православных обоого пола приходилось 38 тысяч священников, 19 тысяч дьяконов, 75 тысяч причетников, то есть этот класс составлял менее четверти одного процента от числа православных, был несравненно

малочисленнее всех других классов России, но качественно он играл весомую роль в жизни страны [5, с. 106]. О том, что религиозная жизнь крестьянина не мыслилась без существования духовного наставника, свидетельствует ряд народных высказываний, зафиксированных в сборнике В.И. Даля: «Без попа, что без соли», «Без попа не приход», «Кто попу не сын, тот сукин сын» [4, с. 706, 708]. Более того, образ священника был включён в систему языческих представлений крестьянства как наделённый чудодейственной силой – на Рождество во время молебнов в домах прихожан его приглашали «сесть на шубу, чтобы весной вывелось больше цыплят» [2, л. 843-844]. У крестьян Пензенской губернии было принято при встрече со священником, дабы избежать неудачи, плюнуть или бросить булавку [2, л. 24]. Самый же распространённый способ отведения беды в результате такой встречи – незаметно подержаться за пуговицу на своей одежде [6, с. 5].

В крестьянской среде было принято оказывать внешнее почтение к духовенству. При встрече со священником крестьяне, как правило, считали своим долгом снять шапку, низко поклониться, попросить благословения; называли священника «батюшкой» [7, с. 168]. «Мужик не наденет шапки, пока батюшка ему не разрешит», – писал один из корреспондентов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева [Цит. по: 1, с. 368]. В частности, в отчётах приходских священников Пензенской губернии за 1877 г. фиксировалось сохранение почтительного отношения к духовенству (в 32 % случаев) [2].

Зачастую уклад жизни сельского пастыря и основной массы прихожан был схож: священники собственными руками обрабатывали землю, трудились на пасеке, косили сено, разводили скот. Между тем, в отличие от крестьян, священник не имел возможности посвящать всё своё свободное время хозяйству. Он должен был отправлять службы в церкви, крестить и отпевать, в любое время прийти напутствовать умирающего. О том, чтобы духовенство могло полностью прокормиться с земли, речи быть не могло. Отсюда – бедность основной массы сельского духовенства. В результате у крестьянина складывалась точка зрения, что священник должен быть «мужиком»: жить в такой же избе и не гневаться, если мужик, ввалившись к нему в любое время и в любом виде, запачкает, затопчет ему пол [1, с. 380]. При этом память о генетическом родстве, или равенстве, входила в противоречие с реальностью социального неравенства – «попы вроде как бары» [1, с. 381].

Практика наследственного замещения церковных должностей, просуществовавшая официально до середины 1860-х гг., негласно же в виде обычая – до 1917 г., способствовала окончательному отделению приходского духовенства как сословия от крестьянства («Хорошо попам да поповичам: зовут и пироги дают») [4, с. 708]. Более того, в крестьянской поземельной общине священнику отводилась роль представителя властных, а, следовательно, внешних по отношению к миру структур. Во многом крестьянское

восприятие духовенства зависело от степени согласования мифологем родового сознания и повседневной социально-политической практики. Наличие в образе глубинных противоречий соответствовало двум формам социального поведения: почтение и преклонение перед властью как духовной, так и светской, и отчуждение и агрессия против неё [9, с. 188]. К тому же, страшный удар по моральной высоте духовенства наносили распоряжения, принятые ещё при Петре I и не отменённые в XIX в., согласно которым священники были обязаны доносить в соответствующие гражданские инстанции об умыслах и деяниях прихожан, имевших опасный политический смысл, т.е. приказывалось нарушать тайну исповеди.

Критическое, осуждающее отношение к сельскому духовенству имело место, прежде всего, из-за несоответствия его духовно-нравственного облика требованиям, предъявляемым к особому положению священника в деревенском мире. Сам способ получения вознаграждения за выполнение своих обязанностей дистанцировал «попа» от «паствы» – крестьян раздражала необходимость расплачиваться за требы в денежном выражении. Разногласия между священником и крестьянами по поводу платы за требоисправления возникали по причине полунатурального характера и бедности большинства крестьянских хозяйств. Тем более что после реформы 1861 г., во второй половине 1870-х гг. плата прихожан за требы увеличилась. В итоге уклонения от выплат участились, и тяжбы из-за крестьянских пятаков стали основной причиной стычек в приходе [8, с. 45]. Случаи, когда причт «вымогал» у крестьян дополнительные поборы, отмечены в материалах Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева [7, с. 169]. По словам священника села Чемодановки Городищенского уезда Пензенской губернии, одним из пороков, не совместимым со служением Господу, в глазах крестьян было корыстолюбие, а, следовательно, такой вид вознаграждения труда священника, как платы за требы, всегда будут оставаться «камнем преткновения добрых отношений между пастырями и пасомыми» [2, л. 497].

Иногда священнослужители давали основания для осуждения своим недостойным поведением, пьянством, рукоприкладством. Например, в 1862 г. в Пензенской духовной консистории было заведено 108 таких дел [10, с. 53-54]. Один из иереев прихода села Золотое Саратовской губернии конца XVIII – первой трети XIX в. приводит бытовые зарисовки, показывающие общий упадок нравственности в местной приходской среде: «Было слишком обыкновенным явлением, что двое священников-сотоварищей во дни великих праздников, объезжая с крестом свой приход, публично переругаются и передерутся, или когда, зайдя в питейный (кабак), они доводят себя до такого унижения, что позволяют какому-либо безобразнику садиться себе на спину и таким образом кататься... по

улице, нередко... при стечении многочисленного народа... Безобразие доходило и до того, что при хождениях своих на Св. Пасху с иконами, они, пьяные, вмешивались во всё облачении своём в пьяные же народные толпы, причём часто случалось, что некоторые из крестьян, снимая со священников облачения, надевали на себя, плясали в них и делали всевозможные кощунства...» [цит. по: 1, с. 127]. В результате терялся образ сельского пастыря в подлинном значении слова: высоконравственный, мужественный, любящий и деятельный духовный труженик. Слабость священника к спиртному, если она не была связана с нарушением церковного устава в совершении богослужения, с корыстолюбием и грубостью его по отношению к крестьянам, последние обычно охотно прощали («и с ними бывает всякое») [7, с. 170]. К тому же, критика пастырей у благочестивого крестьянина сдерживалась боязнью впасть в грех осуждения, особенно тяжкий в отношении человека, носящего священство [3, с. 100]. Церковные власти были требовательны к священникам, нарушавшим канонические, уставные требования, и столь же непримиримы к фактам пьянства. Так, в 1801 г. Пензенская консистория лишила сана двух саратовских священнослужителей: священника Захарова из церкви села Содом, пропившего Библию, и дьякона приходской церкви села Барановки, заложившего в питейный дом «Николино житие и убрус с образа Спасителя» [1, с. 125]. Примерно с последней четверти XIX в. в соответствии с уставом духовных консисторий к провинившимся священникам повсеместно применялось такое наказание, как низведение священника или диакона в должность причетника на определённый срок в другой приход.

Усугубляло непонимание между пастырем и паствой иное устройство быта священников. Не секрет, что домашняя обстановка крестьянина являлась «ужасной с гигиенической точки зрения». Причём крестьяне не проявляли склонность к улучшениям. Если так, то поп-чистюля раздражал, поп-неряха лишался авторитета [8, с. 45].

Анализ ответов сельских корреспондентов на вопросы тенишевской анкеты из рубрики «Священники и причт» показал, что в своих оценках пастыря крестьяне разных регионов различали в священнике сан и личность: первый они уважали (по крайней мере на словах), а ко второй относились в зависимости от того, насколько иерей отвечал их представлениям о «хорошем» или «плохом» батюшке [1, с. 381]. В частности, из сообщения корреспондента Пензенской губернии следовало: «Отношение к причту в глаза – почтительное, за глаза называют «жеребьячьей породой», «рассказывают скабрёзные анекдоты», сочиняют песни и прибаутки... Любят, если священник на праздник выпьет...» [цит. по: 1, с. 383]. Корреспондент Симбирской губернии отмечал: «Внешне к священнику относятся с почтением, но за глаза смеются и ругают как попало» [цит. по: 1, с. 384].

В комплексе пословиц о духовном сословии, зафиксированных в сборнике В.И. Даля, абсолютное большинство высказываний негативного содержания [4, с. 707-708]. Алчность, завистливость, корыстолюбие, отсутствие святости (греховность), присущие данному сословию, создают отрицательный образ духовенства: «Не бери у попа денег взаймы: у завистливого рука тяжела», «Завистлив, что поповские глаза», «Любит поп блин, да ел бы один», «Накажет дед, как помрёт: без рубля поп не похоронит», «Кому мертвец, а нам товарец», «Поп хочет большого прихода, а сам ждёт, не дожждётся, когда кто помрёт», «Где чует кутью, туда идёт», «Согрешили попы за наши грехи» и пр. Священника сравнивают с вором, называют пособником дьявола, в перечне враждебных, ненавистных крестьянам «начальствующих» чинов поп нередко оказывается на первом месте («Попу да вору – всё в пору», «При церквах проживают, а волю дьявольскую совершают», «Стоит ад попами, дьяками да неправедными судьями»). Показательно, что крестьянами отрицается не сама форма служения богу, не деятельность клира вообще, а поведение конкретных представителей духовенства в современных условиях («Были встарь сосуды деревянные, попы золотые; ныне сосуды золотые, попы деревянные») [4, с. 708]. Между тем известны случаи, когда священники становились истинными наставниками пасомых – старцами. Умные, тонкие, образованные старцы всегда могли дать мудрый совет, утешить страждущего, разрешить нравственные сомнения, возродить религиозные чувства. К ним тогда начинали приходить богомольцы из разных мест; известность их выходила за пределы не только своего прихода, но и всей губернии. Особенно распространилось явление старчества в XIX в. Очевидно, народ, измученный войнами, неурожаями, притеснениями, личными бедами и неурядицами, очень нуждался в нравственно-психологической поддержке [5, с. 112]. Самым известным старцем начала XIX в. был Серафим Саровский. Слава о нём распространилась по всей стране, и тысячи паломников направились в Саровский монастырь (Тамбовская губерния). В середине и конце века центром старчества стала Оптиная пустынь (Калужская губерния) – монастырь, где проживало до 300 монахов, не считая паломников. Любовью и уважением верующих пользовались и такие священники, которые не снискали широкой известности и не принимали потока богомольцев, но вели строгое служение и неустанно заботились о духовном просвещении всех в рамках своего прихода. В частности, священник о. Пётр из села Беклемишева Корсунского уезда Симбирской губернии отличался, по мнению знавших его, «особенной способностью любить в крестьянине своего брата» и «особенным умением привязать его к себе, научить вере и благочестию». К нему шли бедствующие крестьяне, которым срочно нужны были деньги, и всегда получали их. Он был защитником обиженных и перед исправником, и перед помещиком, и перед самим миром – общиной. Сирот священник Пётр воспитывал в своём доме, обучал ремеслу и

пристраивал к месту. По воскресеньям он собирал крестьян у себя и учил молитвам, разъяснял значение церковных догматов и обрядов. О. Пётр построил за свой счёт просторный деревянный дом для сельского училища и нанимал учителей из грамотных дворовых людей помещика. Священника часто видели на сходках, на крестинах и свадьбах – «среди густой толпы в горячем и оживлённом разговоре» [3, с. 97]. Такие священники, как о. Пётр, наиболее отвечали по своим качествам массовому представлению русских верующих о том, каким должен быть батюшка.

В целом в обыденной жизни крестьянин относился к священнику с показным уважением, принимая его как необходимый, но чуждый крестьянскому миру элемент мироустройства, как своего рода посредника с Богом, который может не всегда отвечать необходимым нравственным и профессиональным требованиям.

Список литературы

1. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Петербургское Востоковедение, 2007. – 311 с.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 182. Оп. 1. Д. 2256.
3. Громыко М. М. Отношение к храму и священнику // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков: Итоги этнографических исследований / Под ред. Т. А. Листовой и др. – М.: Наука, 2001. – С. 88-103.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. – 992 с.
5. Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 5 (XIX век). – С. 103-166.
6. Заянчковский И. Ф. Животные, приметы и предрассудки. – М.: Знание, 1991. – 256 с.
7. Кузнецов С. В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: Этнографические исследования и материалы / Под ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавской. – М.: Наука, 2002. – С. 156-178.
8. Леонтьева Т. Жил-был поп... // Родина. – 1999. – № 11. – С. 42-47.
9. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 679 с.
10. Торгашин А. М. Система православного образования и духовно-учебные заведения Пензенской губернии в контексте социально-политических перемен в XIX – начале XX вв.: дис... канд. истор. наук. – Пенза, 2001. – 254 с.

Рецензенты:

Ягов О.В., д.и.н, профессор, декан историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, г. Пенза.

Сухова О.А., д.и.н., профессор, профессор кафедры «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета, г. Пенза.